

М

ало найдется городов, о которых писали бы, как о Воронеже, такие литературные корифеи как Анна Ахматова, Игорь Северянин, Андрей Белый, Осип Мандельштам, Яков Шведов, Самуил Маршак и другие. Более того, наш город вдохновлял на яркие поэтические строки англичанина Алана Силлитоу, армянина Ашота Граши, испанца Хосе Мортеро, вьетнамца Ле Ван Няна, украинца Петра Ребро, грека Георгиса Велласа. Вряд ли ошибусь, если скажу, что стихи о родном городе есть и у каждого поэта-воронежца. Ну, или почти у каждого. Разбросанные по многочисленным сборникам, журнальным и газетным страницам, они своим разноголосьем показывают читателю яркие картины целого: любимого всеми нами города нашей судьбы. При этом, как это ни удивительно, отдельных поэтических книг о Воронеже, в отличие, кстати, от прозаических, практически нет. Вспоминается лишь «Воронежская поэма» Владимира Кораблинова да замечательная антология «Есть город в России...» — подвижнический труд ее составителя Станислава Никулина. Но кораблиновская поэма издавалась в середине прошлого века и сегодняшнему читателю вряд ли знакома. Никулинская же антология хоть и вышла сравнительно недавно и при этом —

двумя изданиями (в 2004 и 2011 годах), но практически весь ее тираж ушел в библиотеки.

В свете сказанного понятно, что появление каждой новой талантливой книги стихов о Воронеже не может не стать литературным событием и с самого начала возводит такую книгу в ранг изданий, которым суждена долгая жизнь. Думаю, что именно таким событием станет и только что вышедший в издательстве имени Е.А. Болховитинова сборник стихов Ивана Щёлокова «Город на лучах зари».

При первой встрече город оценивают так же, как и человека, — «по одежке»: по его улицам и площадям, скверам и паркам, храмам и памятникам знаменитым жителям, по другим зримым приметам. Таких примет в книге Ивана Щёлокова предостаточно:

О, звон колокольный с холма
от Покровского храма!
Едва продираясь
сквозь шорохи листопада,
Биением сердца стучится
в оконную раму
В малиновом зареве кленов
Кольцовского сада.

Чернавский мост и Детский парк, Петровский и Первомайский скверы, Чижовка и Отрожка, улицы Пушкинская, Манежная, Бучкури и переулоч Пестеля, Успенская Адмиралтейская и

Город на лучах зари

Воскресенская церкви, памятники Кольцову, Никитину, Платонову и Маршаку, домик Бунина и музей Никитина, огромное Воронежское водохранилище и маленькая автостанция на улице Димитрова... И эти, и многие другие уголки города для поэта настолько родные, что, кажется, даже «дыханье от речки — твое!» Щёлоков воспеваёт воронежские липы и каштаны, тополя, клены и сирень. И, конечно, людей города, среди которых не только его знаменитости, но и простой народ, чья «жизнь естественно течет: злится, пьёт, теряет, ищет, плачет, мучится, поёт».

Но если читатель подумает, что Иван Щёлоков создал нечто бравурное, патетическое, некий очередной «гимн городу», то он ошибется. Автор книги честен и перед самим собой, и перед своим читателем. Он пишет не только о радостном, но и о грустном, о тревожном, а в некоторых стихотворениях даже о трагическом. Иногда такая тревога может показаться не вполне достойной поэтического внимания (хотя она его — ох как достойна!):

С высоко поднятой головой
иду по родному городу.
Чувство одно:
переполняет страх,
Не слетит ли с карниза сосулька
на голову.

А трагическое — и для Воронежа, и для страны, и для каждого воронежца — в нашем сравнительно недавнем прошлом:

Время инфляции, время инфарктов...
Кто из нас выдюжит — ты или я?
А на аллеях Кольцовского парка
Золотом чистым горят тополя.

В сумму какую сердцам обойдется
Щедрый на редкость для всех листопад?
Медной копейкой над городом солнце
Медленно катится в дымный закат.

Поэта, конечно же, не менее, а более денежной инфляции беспокоит инфляция веры в справедливость, в будущее, без которой люди становятся отверженными:

Сверкнула жизнь, как луч безумной мысли,
И высветились в тайнах бытия
Минувший век, Воронеж, крах Отчизны
И перестроечная молодость моя.

Лишь жгучий стыд за слепок от подошвы
На глине у вчерашней колеи,
За век, в котором ты родней не больше,
Чем в Африке донские журавли.

А разве легко найти согласие в собственной душе, если был «век мой белый, век мой красный, весь в бореньях поседелый», если «прадед был кулак-раскольник, дед — партийный, председатель»?

В революцию, как в небо,
Вместе с памятью врываю...
Век прошел, а мне бы, мне бы
Примириться как — не знаю.

И все-таки в других стихотворениях поэт находит ответ на вопрос о примирении в своей душе. Оно в том, чтобы «сострадать и помнить добро». «Я выбираю сердце!» — восклицает он в стихотворении «Мой выбор». О таком же выборе он мечтает и для любимого города:

Стройной девочкой
в праздничной кофточке
Воскресенская церковь мила и светла.
И у Бога прохожий тихонечко
Просит град уберечь от гордыни и зла.

Человеку, выбравшему сердце, разумеется, не обойтись и без любви, в которой «...только ты и моя меж фасадов фигура. Только я и твое в напряженье лицо...» Ну а любовь к городу проходит через всю книгу:

На лугу росинку тронешь —
Отразишься в капле вся:
Гордым именем Воронеж,
Звонкой трелью соловья.
Быть в любви к тебе нескромным
И навязчивым боюсь.
Я, земля, твоим просторам
Лучше в пояс поклонюсь!

Отмечу и то, что книгу приятно взять в руки, потому что выглядит она очень интеллигентно. Такой делают ее и репродукция картины Ирины Ворошиловой на обложке, и работы художника Сергея Налетова, и компьютерный дизайн и верстка Ильи Вовчаренко, и прекрасное полиграфическое исполнение с симпатичной ленточкой-закладкой. И сегодня, и в будущем сборник Ивана Щёлокова «Город на лучах зари» — замечательный подарок как воронежцам, так и гостям города.

